

❖ МОТЯ ГУБИНА ❖

Врагу
не сдаётся

НАША ЯГА

Мотя Губина

Врагу не сдается наша Яга!

«Автор»

2026

Губина М.

Врагу не сдаётся наша Яга! / М. Губина — «Автор», 2026

На молодую Ягу только-только вступившую в должность идёт налоговая проверка в лице ужасного и опасного Кощея Бессмертного. Произвол! Я ещё ни одной нормальной пакости не учинила, жизнь никому не испортила, и собственную миссию по личному обогащению даже не унюхала! Кощей даёт три дня для устранения всех нарушений, но я решаю сама отправиться в подземное царство Темнейшества... самая настоящая Яга. Вредная, противная и пакостничает не по-детски самый настоящий Кощей. Вредный, противный, и методы жесткие. самый противный в мире Ворон. Труслив, жаден и эгоист последний. самая вредная мелкая собачонка. Любит только жрать, спать, и лаять. Ещё и характер злобный. Отличная компаньша, не находите?

© Губина М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Полежать не дали...	5
Глава 2 Дверь на соплях лешего	8
Глава 3 Клиенты с деликатными проблемами	12
Глава 4 Лучше Ягу не злить	15
Глава 5 Водяной требует раскошелиться	19
Глава 6 Горыныч и его проблемы с зубочистками	23
Глава 7 Проход только для своих	26
Глава 8 Попали к Кощею!	29
Глава 9 Месть от Яги и последствия	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Мотя Губина

Врагу не сдаётся наша Яга!

Глава 1 Полежать не дали...

— Боже! Как же я люблю лежать! Была бы моя воля, лежала бы днями напролёт, вкусно бы ела и горя не знала!

— Но что-то тебе никто платить за полежанки не хочет, — сварливо отозвался откормленный мною Пузан — чёрный ворон, которого я приютила на свою голову ещё крохотным птенчиком. Он обманул меня тогда этим взглядом глаз-бусинок и жалобным пищанием. Знала бы я, что из невинного создания вырастет... — Вставай давай! Куры на ощип сами себя не купят, в супчике не сварятся и твоих самых лучших друзей не накормят!

— Нет! — простонала я, зарываясь головой под подушку. Авось все беды мимо моей избушки прошагают. Нет Яги — и проблем у неё нет. Правильно?

Неправильно.

Потому что те самые проблемы совершенно не намерены ждать, пока я належусь вдоволь.

В хлипкую дверь начал со всей дури стучать какой-то необременённый интеллектом индивид.

Бам-бам-бам! — громыхал посетитель.

У-у-у — скрипела несчастная дверь.

— Пошли вон, негодяи! — храбро выкрикнула я, вылезая из объятий одеяла и отыскивая глазами свою метлу. Вот я сейчас этим гостям незваным! — Уходите по-хорошему, иначе я на вас собаку спущу!

Оглянулась на кровать и в ворохе постельного белья нашла своего мохнатого защитника. Грозный пёс размером с буханку чёрного хлеба лежал на спине лапами кверху и пускал пузыри из открытой пасти, совсем не заботясь о том, что на его хозяйку вот-вот совершат нападение!

— А ну, открывайте! — велел незванный визитёр до жути сексуальным хриплым тоном. Даже мурашки по телу пробежали. — Если не отопрёте, то я враз эту дверь выломаю!

Угроза имела под собой реальные основания — дверь и так лишь на честном слове да на соплях лешего держалась, и я вполне допускала её трагическое падение. Оставалось надеяться, что падать она решит не внутрь, а на обладателя такого волнующего мужского баритона.

«Пусть выламывает!» — совсем не к месту решил завести интрижку внутренний голос.

— Совсем сбрендила? — возмутился Пузан моей секундной слабостью, мелькнувшей на лице.

— Да я что? — тут же открестилась от дурных мыслей. — Я же ничего!

— Открывайте! — как птица-говорун повторил мужик.

Я хмыкнула. Тоже мне — нашёл деревенскую дуреху, которая сразу после этих слов дверь нараспашку вывернет! Нет, конечно! Вместо этого я распахнула окно и высунула в него взъерошенную рыжую макушку, храбро известив:

— И не подумаю! Пошёл вон отсюда, ирод несчастный!

На меня начала оборачиваться высокая, неприлично высокая фигура визитёра, от которой так и веяло еле сдерживаемой мощью и силой. Древней, злой, как дно глубокого колодца. Белоснежные блестящие волосы сверкнули на ярком солнышке, а после того, как до неожиданного гостя долетели мои слова, вокруг его монументальной фигуры за клубились пары чёрного дыма. Недовольного чёрного дыма!

И поняла я внезапно, что плакали мои тапочки — дела у Яги Бурановны катятся прямо в болотную топь. Но прежде чем клиент подошёл ближе и расправился со мной одним взглядом, я честно предупредила:

— Я вас вообще не боюсь, незнакомец! Кто к Яге со злом придёт, у того лягушки из ушей полезут! Так что не вздумайте делать того... этого!

— Угрожаете, Яга Бурановна? — мужчина развернулся ко мне лицом, и я чуть не получила сердечный приступ. Аж рот пришлось захлопнуть, чтобы шаловливый орган через него не выскочил от нервного потрясения!

Это же экземпляр не просто мужской красоты, а идеально-восхитительной гармоничности! Словно молодой клён в лесу, фигура незнакомца двигалась плавно и гибко, прям-таки боярское лицо сверкало неподдельной бледностью и снобизмом, а во взгляде угольно-чёрных глаз клубилось пламя пополам с мрачной решимостью во что бы то ни стало стереть меня с лика земного.

Ух, какой мужчина! Страшный, красивый и чуточку самодовольный! Убийственное сочетание.

И как-то сразу я поняла, что... нет, не подружился мы с ним! Пришлось сбавить тон и дипломатично ответить:

— Что вы! Просто предупреждаю, а то вдруг завтра лягушку из правого ушка вытащите и, удивившись, не поймёте откуда, а тут я — оп-пачки и сказала сразу! Забота, так скажем, о клиентах.

— Вот о клиентах-то я и хотел поговорить, — с непонятной торжественностью выдал этот индивид, начиная движение в сторону моего окна.

— Э-э-э-э! — всполошилась я, поспешно втягивая голову под безопасные своды собственной избушки. — Не надо тут угроз, пожалуйста, я вообще-то...

Что «вообще-то», я не додумала, потому что челюсти клацнули. Голова-то любопытная совершенно не вовремя застряла! Незнамо как, незнамо зачем, но факт оставался фактом: я её тудысь-судысь дёргала, а она лишь об раму билась, вгоняя меня из просто неловкого положения в нелепейшее и позорнейшее.

Незнакомец приблизился почти вплотную. Постоял. Посмотрел на мои потуги, а затем, не проронив ни слова, положил длинный указательный палец левой руки чётко на мою макушку, отчего я испуганно застыла, перестав дёргаться. С видом вселенской безразличности двумя пальцами правой мужчина ухватился за мой подбородок и начал ме-е-е-едленно его поворачивать.

«Ну всё, шею свернёт», — подумалось печально.

Незнакомец поворачивал, я на него глаза пучила, не в силах и слова бранного молвить. Ни одного словечка не вылетело! Стыдоба.

Наконец, голова извернулась на угол девяносто градусов и незванный гость занёс надо мной руку.

Сейчас ка-а-ак... хрясь!

Но внезапно, вместо «хрясь» я получила смачный щелбан по лбу и кубарем покатилась по избушке.

— О, жива! — удивился Пузан.

Аккурат вместе с тем дверь отворилась и на пороге возникло видение кары моей небесной за все прегрешения, мною ещё и не содеянные.

— Я могу войти? — нежно спросил вошедший, и хлипкая дверь, не выдержав атаки хрипы в мужском голосе, с грохотом рухнула в обморок на деревянные доски.

— Хр-прр-р! — наконец проснулся мохнатый Истерикс, которого я тоже нашла на помойке. Вместе там еду искали, я тогда ещё с одним постояльцем местных мусорок подралась за почти новые ботинки сорок шестого размера. Истерикс помогал то одному, то другому, и после череды взаимных оскорблений мы с мохматым решили жить вместе.

Ну а потом мне и наследство от четвероюродной бабки по линии тётки матери перепало. Вот и стала я не просто Ягой-дырявые-панталоны, а Ягой Бурановной, наследницей великого рода Бабы-Яги с прилагающимися к нему избушкой и местом работы — короче, местной чудотворицей.

Собака с третьего раза перевернулась, вскочила на лапы, а затем, оценив ситуацию, залилась истошным лаем. Аж пена изо рта пошла. Проснулся наконец-то мой защитничек.

Пузан сбросил со стены метлу аккурат мне в руки, и обитатели нашей избушки приготовились к бою.

— Документы на работу по специальности имеются? — даже не обратил внимания на наш воинственный вид посетитель, заходя в избушку и сканируя начальственным взглядом полки с зельями. — Разрешение на производство снадобий, медицинская книжка, документы на участок, документы на недвижимое имущество.

Снаружи недовольно кококнула избушка, а я возмутилась:

— В смысле «недвижимое»?! Вы без оскорблений, пожалуйста. Всё у нас движимое, а потому и участок нам не нужен. Где сели, там и место наше.

— Привалом считается территория остановки до пяти суток, — менторским тоном парировал мужчина, брезгливо наматывая на перст и обнюхивая паутину с угла. — А у вас, Яга Бурановна, огород снаружи разбит.

Истерикс заходилась истошным лаем, но как любой представитель своей никчёмной породы предпочитал создавать видимость угрозы, а не бросаться в бой, как глупая курица. И в чём-то я была с ним согласна. Но мужчина требовал ответа...

— Так это... я о природе забочусь, от сорняков лесных полянку пропалываю, — тут же нашлась я. — Эти, как их... опасные виды растений уничтожаю! А избушка каждые три дня лапы разминает, так что стоянка у неё каждый раз по-новому в счёт идёт. Так что не надо мне тут ваш дым в глаза пускать, я свои права знаю!

— А обязанности? — сверкнули в мою сторону чёрные глаза. — Напомните-ка мне, когда налоги последний раз в казну вносились?

— Произвол! — запаниковала я. — Я вообще не собираюсь ничего говорить без присутствия моего адвоката. Вот как мистер Жабсон придёт, так он вам всё и скажет!

— Это тот, кто на болоте в прошлом сентябре утоп? — невинно уточнил мужчина.

— Это ещё у кикимор спрашивать надо, утоп ли или женился неудачно. В общем, вы это... Идите отсюда!

Посетитель хмыкнул, огляделся и постановил:

— Что ж, я увидел достаточно. Официальное предписание на выселение пришлю голубиной почтой. Условия для смягчения наказания — тоже. Сроки исправления всех нарушений — три дня. По их истечении отчитаетесь в подземном дворце. Пропуск там выпишут.

Он развернулся и словно древняя монументальная статуя направился на выход.

Истерикс, обрадованный тем, что его вопли наконец произвели желаемый эффект, так как незнакомец удалялся из избушки, — победно взвизгнул и понёсся ему под ноги, подпрыгивая на двух лапах и агрессивно скаля зубы.

— Стойте! А на чьё имя прощение-то подавать? — очнулась я, бросившись следом.

— Кощей, — донеслось из-за спины негодяя. Спокойно так, тягуче. Словно и не знал, что от звука этого имени кровь в жилах стынет даже у потрошенной куриной тушки. — Кощей Бессмертный...

Глава 2 Дверь на соплях лешего

Вот так и знала, что шикарные мужики по земле не ходят!

Этот и не пошёл — добрался лишь до колодца, а затем эффектно взлетел в потоках чёрной силы и утопился. Прямо-таки внутрь нырнул с головой, ногами, руками и всем остальным прилагающимся телом.

И сразу солнышко вновь выглянуло, облака тяжёлые расступились и птицы петь песни весёлые начали.

— Вот что значит сила нечистая — куда ей следует, туда и закопалась, — задумчиво протянул Пузан.

Я осторожно подошла к колодцу и засунула внутрь любопытный нос.

— И правда нету Кощея... сгинул, как и полагается...

Задумалась. И тут новая проблема озадачила мою голову:

— Ой, а как же я теперь из колодца-то воду пить буду?! Раз там такое... растворяется...

— На речку походишь, эко дело! — отмахнулся от меня крылом Пузан, но я нахмурилась.

Речка, конечно, у нас имеется, но до неё минут двадцать только в одну сторону по тропкам да канавкам. А я не для того ленивое существование зубами себе выгрызала, чтобы лишний раз седалищное место с лавки оттирать.

— Придётся очистительных слизней в колодец заказать, — пробормотала тихонько, понуро возвращаясь к родной избушке.

Прямо перед тем местом, где раньше висела дверь, а теперь зиял тёмным провалом драчный проход, до моего слуха долетело величественное курлыкание.

Я лишь обернуться успела, как мне по лбу прилетело свёрнутое в трубочку послание.

— Курл! — довольно возвестил почтальон и на прощание обгадил молодой куст малины перед входом.

— Аят-тя-тя-тяв! — залился истошным лаем Истерикс, с разбегу налетая на бочку с водой, а оттуда отправляясь в свободный полёт, пытаясь ухватить наглый голубиный хвост.

Однако и на этот раз счастье не улыбнулось моему псу. Кладнув зубами в миллиметре от цели, он с жутким оскалом полетел мимо и приземлился аккуратно в грядку с кабачками.

Представитель лесной почты лишь победно курлыкнул и, сделав круг над нашими головами, улетел восвояси.

— Чтобы его в голубец завернули, — искренне пожелал Пузан собрату по разуму.

Уже чуть позже, собравшись в доме, мы провели совет.

— Предлагаю следующее, — важно вышагивала я перед замершими товарищами по несчастью. Пузан сидел на жёрдочке под потолком, а Истерикс лежал на мягкой подушечке розовым животом вверх и всем своим видом показывал, что он-то хозяйку внимательно слушает! — У нас есть три дня, данные в полное пользование. Затем наступит неминуемая расплата. Я, конечно, не знаю, что именно нас ждёт, но, учитывая характер утреннего визитёра, — ничего хорошего. В связи с этим вопрос... есть идеи, как спасём свои шкурки?

— Можно убежать, — лениво зевнула птица.

— Куда бежать-то? — развела я руками. — Во-первых, этот индивид из любой щели вылезет, недаром, что сила нечистая. А во-вторых... — я со вздохом обернулась на дыру в стене, откуда прекрасно просматривался любимый огородик. — У меня огурцы не политы, и кабачки без нас зарастут... Нельзя нам никуда. Крепко земля держит!

— Тогда придётся нарушения убирать! — логично решил Пузан, и Истерикс одобрительно гавкнул, с подозрительным блеском в глазах глядя на свисающие с жёрдочки перья пушистого хвоста. Видимо, в маленьком мозгу уже зрел план добраться хотя бы до чьего-нибудь хвоста.

Я сосредоточенно кивнула и развернула лист бумаги, выданный Кощею. Глубокомысленно в него вгляделась и наконец вздохнула:

— Ерунда какая-то.

— Так ты листик-то переверни, — посоветовал птиц.

Я оскорблённо поджала губы, но всё же сделала, как просили. И вот тут-то из разрозненной кучи непонятных каракулей я смогла даже пару закорючек узнать. Кажись, не совсем из головы премудрости Гриба-Боровика вылетели.

Старик тогда меня совсем маленькую обучать вздумал. Недолго, конечно, пока папка не узнал, чем его дочка непутевая занимается. Ух, как он бушевал! Месяц потом сесть нормально не могла. Но пару букв всё же выучила. Ну и вот, сейчас, стоило мне хорошенько присмотреться, как знакомые символы всплыли в памяти. Жаль только, что зазря. Ну, знаю я эту букву и эту... А что написано — всё равно ведать не ведаю.

Говорят, прошлая Яга учёной считалась, не только читать, но ещё и писать умела. Но как по мне — враки это. Не бывает такого. Это только философы всякие типа филинов да князей земных подобной ерундой занимаются. Иначе и дел-то у них других не наберётся, разве что в носу целыми днями ковырять. А так вроде как руки заняты...

— Всё равно чушь, — со вздохом отложила я листок. — Совсем не понимаю, чего Кощею неймётся. У нас всё чин по чину, людям мы помогаем, от хворей лечим. А для этого, прошу заметить, не буквы знать надо, а с растениями дружить. Вот это я умею! Не зря у меня родня всё травниками много поколений славилась. А то, что новая метла, то есть Кощей тут, в нашем лесу, свои порядки устраивает, так это он ещё сопротивление нормальное не видел. Но мы-то ему обеспечим!

— А то! — ещё раз зевнул Пузан и осведомился: — А есть-то сегодня будем?

Истерикс одобрительно пустил слюну по морде. Пришлось кормить.

Уже за столом на меня снизошла светлая идея.

— Раз нам три дня дано, то придётся где-то денег найти, чтоб налоги уплатить. Деньги-то для Кощея, говорят, — самое главное, не зря над своим златом чахнет. А там, глядишь, и всё остальное потихоньку забудется. Тем более, больше-то претензий и нет особо. Только туману напустил: «Нарушения, нарушения!» А какие нарушения? По закорючкам сами и догадывайтесь! — я бросила презрительный взгляд на свёрнутое послание. — Решено: платим налоги — и живём спокойно!

Правда, чуть позже моя птица задала резонный вопрос:

— А денег-то нам сколько собирать? Мы ж отродясь лишь натуральным обменом принимали. То из утвари чего, то одежку — твои срамности прикрыть, раз пухом да перьями обделена.

— Нет у меня срамностей, — оскорбилась я. — Придумаем что-нибудь!

С этими радужными мыслями я отставила тарелку и вышла на улицу. Работа не ждёт — пора начинать новый день, и никакие Кощей нам не помешают!

Первым делом я попыталась приладить обратно дверь.

Ох, нелёгкая это работа — девичьими ручками разваливающееся полотно обратно на петли навешивать.

Начнём с того, что я её даже с пола поднять не смогла. Куда мне! Я росточком скорее на Грибы-Боровики смахиваю, чем на нормального человека. Тому же Кощею аккуратно в пупок дышать буду — и всё равно, что недавно целых два десятка годков отметила. Чувствую, до старости буду на свою собаку похожа. То ли собака, то ли щенок.

— Достало, — рыкнула я, разжимая руки, и деревянная дверь с грохотом рухнула на пол, аж пол в избушке ходуном заходил.

— Ко-ко?! — возмутилось моё движимое имущество и вскочило на лапы.

Я еле за косяк удержаться успела, а то бы вылетела наружу, как куль с картошкой.

— Обратно садись! — заорала избушке. — Ложная тревога!

Избушка понятливо угукнула, пару раз переступила с лапы на лапу, выискивая положение поудобней, а потом ка-а-а-к...

— Держись! — успел проорать Пузан, прежде чем пол под нами стремительно полетел вниз, а мы, не успев сориентироваться, подскочили под потолок.

— Уй-ё! — прокомментировала я, когда меня швырнуло на сундук с валенками.

Снаружи избушка немного виновато подёргала ножкой, но я уже не слушала. Вместо этого выскочила на улицу и помчалась к опушке леса. Скоро клиенты пойдут, а у меня двери нет. А без неё никак нельзя — величественной Яге не солидно... Пора на помощь звать.

Возле условленной берёзы я затормозила и три раза постучала.

— Уху? — раздалось сверху.

Здрав голову и узрев связного, я быстро проговорила:

— Передай лешим, что мне нужно дверь починить. Плачу корешками лечебными.

— Уху... — согласился филин и насупился, явно передавая сигналы силой мысли фило-софской.

— Уху! — наконец известил он, на этот раз удовлетворительно.

— Спасибо, — искренне поблагодарила и обратно побежала.

Чтобы икалось этому Кощею! Всё утро из-за него Истерику под хвост унесло!

Леших ждала не сидя на лавке, а по-быстрому повыдергала сорняки на огороде, собрала листьев мяты и полила кабачки. Пока руки заняты, голова меньше думает. А это не так уж плохо в нашем деле: зачем травнику голова? Ему умения нужны, глаз острый, да память хорошая понадобится. А мысли только мешают сосредоточиться на природе чистой.

Пузан куда-то улетел, видимо, новости последние лесные собирать, а я бегала туда-сюда, пытаюсь отвлечься, пока леший не явился.

Наконец, увидела соседа.

— Хозяйка! — позвал из-за угла длинный страшный хозяин леса. Такого ночью увидишь — и зайкой стать можно. Одна морда лица, покрытая шерстью свалывшейся, чего стоит!

— Колт! — обрадовалась я, подскакивая на ноги. — Помоги малехо, будь другом! Я эту дверь и туда и сюда — а она ни в какую!

Леший закатил круглые глаза под густые брови, отчего его лицо стало один в один на затылок похоже, а затем кивнул.

Навстречу званому гостю вылетел Истерикус и залился истошным лаем. Я быстро подхватила пса на руки и крепко захлопнула истерящую пасть. Ещё того гляди мне работничка спугнёт!

Леший осмотрел дверь, примерился, а потом...

— Уходи! — велел он стеснительно, оглядываясь на меня и неловко почесывая пяткой вторую ногу.

Я понятливо за угол свернула и избушку по боку погладила. Не дай Бог она сейчас снова на ноги взбрыкнет от неожиданности.

Но, вопреки опасениям, леший дверь не уронил, а вполне себе спокойно в воздух поднял да ударами мощного кулака на место приладил. Потом что-то там поколдовал, слюной подклеил и кивнул.

— Готово.

Я вышла из-за угла и осмотрела дверь.

— Ну, не на соплях — и то хорошо.

— Вылечил, — меланхолично пожал плечами леший и протянул лапищу. — Корни давай!

Я вытащила из-за пояса мешочек и задумчиво высыпала на руку изогнутые корневища.

— На трёх сойдёмся? — спросила у работника.

— Пять, — хмуро известил он. — Дверь — это пять. Табурет — это три. Меньше нельзя.

— Что-то цены у вас как на дрожжах растут, — поджала я губы. — Только по весне табурет мне за два делал.

Леший лишь плечами повёл, сметя рукой все протянутые корни, тут же сунул один за щёку и, не прощаясь, в лес направился.

— Ягуся! — послышался в небе голос Пузана. Птица спикировала с неба мне прямо на плечо, отчего я покачнулась и чуть носом в землю не упала.

— Что ты орёшь? — недовольно прочистила я ухо.

— Клиенты идут! — прошептал он, вращая и без того выпученными глазами. — И не простые, а из деревни!

— Ох, батюшки! — всполошилась я, бросаясь в избу за видом правильным...

Глава 3 Клиенты с деликатными проблемами

Клиенты пожаловали не простые, а самые что ни на есть зажиточные. Мужчина с пузом величавым да жёнка его вида бойкого, но нервного, с корзиной небольшой.

— Стучать надо? — немного неуверенно уточнила последняя, пока я их в дверную щель рассматривала.

Мужчина намёк понял и уверенно пару раз вдарил кулаком.

Я аж подскочила на своих ходулях.

— Вы мне пошто конструкцию шатаете? Ещё не высохло ничего, не берите грех и долги на душу!

С этими словами я распахнула дверь и, задрав подбородок повыше, сверху вниз осмотрела гостей.

— Чего надо?

Деревенские побелели, узрев страшилище знаменитое. Рост под два метра, балахон дырявый и стиранный ещё в прошлом тысячелетии, платок, скрывающий рыжие кудри, вымазанное сажей перекошенное лицо... и зубы.

— Какой улов у меня сегодня, — радостно проскрипела я, оценив кошель, привязанный к боку мужчины. — С чем пожаловали?

— Нам бы это... — женщина неуверенно качнулась с пятки на носок, а затем, вернув себе бойкость, проговорила: — Нам нужен эликсир волшебный, который от всех хворей сразу лечит!

Она ловко поддела локтем бок супруга, и он послушно гаркнул:

— Да, именно это нам и нужно!

— А-а-а, так вам лапшу на уши навесить! — поняла я и приветливо пригласила: — Вы проходите, проходите!

— К-какую лапшу? — не поняла женщина.

— Не видели никогда? — удивилась я. — У нас Соловей-разбойник из заморских стран рецепт привёз, с тех пор весь волшебный лес дома крутит!

— А это помогает от всех хворей? — у клиентки аж глаза от восторга заблестели.

— Нет, но её довольно приятно есть с молочком по утрам, — введя клиентов в крайнюю степень замешательства, я упёрла руки в бока. — Что конкретно болит?

Супруги переглянулись.

— Всё болит! — решительно проговорила женщина, хищно осматривая мои полки. — И голова, и спина, и ноги, и руки, и живот, и... — тут она явно задумалась, что ещё у человека может болеть.

Я уселась на табуретку, из-под балахона показались деревянные ходули.

Посетители на них вытаращились, а я, усмехнувшись, покачала ножкой.

— От болей в ногах могу посоветовать замену на деревянный аналог, — невозмутимо кивнула на свои ноги, постукивая ходулями друг о друга. — Совершенно не болят. Хоть палкой по ним бей. А от боли в голове прекрасно подходит топор. От боли в животе — крысиный яд... Что вы там ещё упоминали? — я показательно задумалась. — Но вы продолжайте, продолжайте, я очень внимательно слушаю.

— Лысею я, — вдруг проговорил мужчина, пока его жена, белая как полотно, хватала ртом воздух. — Года четыре уже. А тут в город ездили, соседку бывшую встретили. Она и наплела, что из-за заморских краёв привезла чудо-крем. Сразу много лет скидывает, кожу молодит и вообще барина из человека нормального делает. Сама словно пава стояла, гордая. Крем этот самый продавала. По цене такой, что баню новую дешевле отстроить! Вот жёнка моя и подумала...

Оборвал его новый тычок в бок, но я и так догадалась.

— И подумала жёнка ваша: зачем тратиться на крем дорогой заморский, коль Баба-Яга у нас в лесу имеется? Она ж наверняка подешевле сварганит, да ещё и не за деньги, а за пару пирогов, — кинула я взгляд на корзину, из которой доносился весьма характерный запах.

— Да, так и есть, — закивала женщина. — Поддержка местного производства — всем выгодно! Вы нам, главное, только обязательно эликсир общий сделайте, не так, чтобы что-то одно лечил, а чтобы всё сразу! Зачем нам несколько раз к вам ходить, правда?

— Ходить и платить, — я ухмыльнулась и вновь с кряхтением поднялась на ходули.

Ох, не лёгкая это работа — изображать из себя немощь страшную. Вся уже взмокла — я вообще по природе высоты боюсь...

— Значит так, господа, — начала я, и деревенские аж животы вперёд выкатили, гордясь, что их господами обозвали. — Эликсира от всех хворей не бывает. Невозможно одновременно лечить вашу лысину, уважаемый, и бородавку на левой пятке вашей супруги.

— Ах! — воскликнула женщина, хватаясь за ногу. Она что, думала, я не видела, как перед моим домом она лапоть снимала и остервенело тёрла кожу на ноге, которая наверняка при ходьбе огнём горит? Яге Бурановне всё известно!

— Поэтому, либо покупаете у меня эликсир от того и от другого, либо можете возвращаться в город и отдавать свои денежки шарлатанам за крем. Только я не гарантирую, что после его применения вам не придётся покупать лечебную мазь у меня. Правда, в следующий раз цена будет выше в три раза...

— Ка-а-апп! — величественно поддакнул мне Пузан.

— А ещё у меня появилось новое правило, — оскалилась я. — Теперь Яга берёт деньгами, а не пирогами.

— К-к-как это, деньгами? — заволновался мужик, по примеру своей жены, хватаясь рукой... только не за сердце, а за кошель на поясе.

— Вот так, деньгами, — развела я руками, одновременно роясь в собственных запасах и выуживая две баночки с мазями. Одну — тёмно-зелёную — чтобы бородавки на коже сводить, вторую — цвета грязи и страдания леших, у которых я выбривала шерсть на снадобье, — для восстановления волос на любом участке кожи, даже если их там отродясь изначально не бывало.

— Жизнь нынче дорогая стала, — пояснила я, вручая банки супружьей чете, — силы тёмные нас из серой зоны натуральных расчётов выводить пытаются. Видимо, мало им сундуков золотых в подземельях, вотдо честных ворожей и добираются!

Пузан на меня предупредительно клацнул, чтобы не вздумала я о Великом и Ужасном без должного почтения глаголить. Тем более, что деревенских вообще не принято в разборки волшебного народа посвящать.

Я язык, конечно, прикусила, но про себя бубнить не перестала. Всё же не каждый день ко мне с угрозами выселения приходят. Собственно, этот раз первым и оказался.

— В общем, теперь все расчёты строго по закону, — подытожила свою краткую речь. Я вам даже чек расчетный на подорожнике нарисую.

Однако же она почему-то радости у посетителей не вызвала.

Переглянувшись, каждый прижал выданную баночку к сердцу, и оба сделали синхронный шаг назад.

— Э-э-э! — заволновалась я, угрожающе надвигаясь следом на ходулях. — Вы куда это, уважаемые?

— Да мы вот тут подумали... — начала было женка, — что посоветоваться нам надобно.

— Нечего деньги тратить! — пробубнил мужик.

— Он имеет в виду, что мы, конечно, совсем не против честного обмена, но это же совсем не то же самое, что на рынке купить. Там и качество, и эффект, и палатки красивые, да ска-

терти резные... — с этими словами женщина как-то по-хамски покосилась сначала на полку с сушёными травами, потом на мой поношенный балахон и, наконец, под потолок, где в уголке спокойно плёл свою паутину паук Савелий. Это на что она, собственно, намекает?! — А Яге негоже с людей честных деньги брать, не по-людски это... не принято...

Они упёрлись задами в дверь новоповешенную, и рука мужчины судорожно начала шариться по доскам, отыскивая ручку.

— Вот доброе утро, — возмутилась я. — Как пирогами отдариваться, так Яга-ягусенька, спасительница и благодетельница. А как заплатить за товар волшебный, на силах леса сваренный, так качество вам не то?!

Злополучную ручку всё же отыскивали, и, рванув со всей дури дверь, супруги выскочили на улицу да понеслись по огороду, сминая лаптями и посадки помидор, и молодые патиссоны.

— Стойте, супостаты! — заорала я, хватая метлу и бросаясь следом. Если сейчас их выпущу, то не видать мне денег, как и законного места работы, — снова по миру пойду, Кощей вмиг на улицу выставит!

— Истерикс, держи ворьё!

Пёс, успевший было задремать и разбуженный мельтешением хозяйки, свалился со своей лежанки и с громким лаем бросился вслед несостоявшимся клиентам. Не разобравшись сразу что к чему, он сначала цапнул меня за ходулю, а когда я его протащила на деревяшке пару метров, наконец расцепил челюсти и с воплем бросился за бородатым мужиком.

— Кошель, кошель держи! — наускивала я во всю мощь лёгких, ковыляя следом.

— Ка-а-а-ар-р! — летел вслед Пузан, совершая налёты на головы грабителей.

— Тя-тя-тя-тяв!!! — заливался истошным лаем Истерикс.

— Брысь-брысь! — визжала женщина, отмахиваясь корзиной то от Пузана над головой, то пытаясь ею же попасть по псу, несущемуся за ними во весь опор и путающемуся под ногами.

Вся истерящая компания скрылась за поворотом, и пока я до туда на своих ходульках доковыляла, сначала послышалось грозное рычание, затем вопль поверженного мужчины и грохот, словно кто-то кубарем покатился вниз по оврагу.

Я остановилась посреди тропинки и упёрла руки в трясущиеся колени. Дальше только ползком.

Навстречу из кустов с видом победителя выбежал Истерикс с зажатым лаптем в зубах.

— А... а кошель? — с ноткой последней надежды уточнила я.

Куда там! Надежда моя рассеялась, словно пар над трухлявым болотом, когда из кустов, еле передвигая крыльями, вылетел Пузан с добытой в неравном бою корзиной.

— Ушли? — простонала я обречённо. — Пирогами с Кошеем мы явно не расплатимся...

— Хоть пожрём, — резюмировал ворон, сбрасывая мне в руки тяжёлую ношу.

Я заглянула под полотенце.

— С капустой, — поморщила нос. — Даже мяса пожалели, негодяи. Словно и не бояться совсем...

— М-да... — резюмировал Пузан. — Всё же до своей великой бабки тебе далековато. Надо наращивать ужасную репутацию, пока местное население не решило, что новая Яга слабовата на месть. Может, заговор на понос?

Я только отмахнулась, сняла ходули, обмотала край балахона вокруг шеи и, забрав корзину, похромала в сторону дома — зализывать раны...

Глава 4 Лучше Ягу не злить

— Всё пропало, всё пропало, — бормотал себе под нос Пузан, собирая в корзину свои многочисленные, честно награбленные пожитки. — Что ты стоишь? Лучше делом займись! Недолго час, как нас придут выселять из казенной избышки за недостаточность этого... работы эффективной. И что за Яга-дурында мне попалась? Не могла деньги вперед потребовать? На кой ляд ты им сразу банки-то сунула?

— Не переживай, они ещё придут, — прокричала я, убирая на полку многострадальные ходули. — Не совсем уж я у тебя тупая.

— Как это? — ворон даже собираться перестал.

— А вот так, — я ухмыльнулась, весьма гордая собой. — Средства-то у меня прекрасные, только вот технику безопасности они и не дослушали. А коль послушали бы, то знали, что мазь от облысения действует мгновенно. И я не зря сказала, что волосы вырастут даже там, где их отродясь не бывало. Как думаешь, догадуются они, что средство надо палочкой или тряпкой наносить, то есть не голыми руками?

Клюв птицы распахнулся, и он снизу вверх посмотрел на ухмыляющуюся меня.

— Хитра-а-а-а, — протянул уважительно. — Значит, ждём?

— Ждём! — подытожила я и, достав пирог, первым делом осыпала его золой из банки.

— Неужто думаешь, что отравят? — не поверил Пузан, с любопытством склоняя набок макушку и примериваясь, с какой стороны сдобу щипнуть, если яда не обнаружим.

Зола из трехсотлетнего трухлявого пня не запузырилась, так что, подождав ещё пару секунд и не увидев реакции, я стряхнула чёрную пыль и со спокойной совестью оставила выпечку на столе, где её за бок тут же цапнул ворон.

— Совесть имей, — хмыкнула я, сама же собираясь в огород — приводить в порядок всё то безобразие, что учинили посетители. Пусть только попробуют вернуться! Я им уж устрою тёплый приём! Неделю у меня будут сверху задом сорняки полоть да жуков колорадских собирать!

День прошёл спокойно. Из посетителей сегодня явились лишь ежи, не поделившие запасы провизии и покусавшие друг друга за мягкие пузики, да русалка, в очередной раз попросившая краску для волос. Первые расплатились сушёными грибами, вторая — ракушками. У народа лесного денег отродясь не водилось, так что вздыхай не вздыхай, а пришлось взять, что давали.

— Эдак мы и через год денег не насобираем, — проворчал Пузан.

— Не сезон, — я печально жевала капустный пирог, понимая, что соли хозяйка заметно пожалела. Что кору с дерева ем — вкуса нет совсем. — Все на огородах, в полях и делах. Некогда посидеть, о жизни подумать, никому будущее своё не интересно. Ни молодца доброго, на подвиги подвизавшегося, ни девицы на выданье. Вот у кого бы денюжат стрясти было можно. Не-е-ет... Сейчас все слишком делом заняты, на глупости и времени не остается...

— Жаль-жаль, — покивал ворон, морщась от звуков громко прихлебывающего из своей миски Истерикса. Пса, наверное, надо бы мясом кормить, но я сама его не часто видела, так что питались мы все вместе, чем удавалось. Можно было, наверное, самой печь да кашеварить... Так это же готовить надо!

— Вот бы кто-нибудь умер и завещал мне много-много денег, — мечтательно зажмурилась. — И зачем богачам деньги? Отдали бы мне, уж я бы нашла им применение! Уж я бы развернулась, уж я бы...

— Как бы ты развернулась, коль считать только до десятка умеешь? — хмыкнул Пузан, предварительно на жердочку свою взлетев.

Я лишь кулаком погрозила.

— Не до десятка! А до десятка, а потом ещё десятки считать могу. И того — до десять десятков! — мне даже пальцев рук и ног не хватило, чтобы показать глубину своих познаний. — Куда уж больше? На мой век и этого хватит! А так было бы у меня наследство, я б точно нашла ему применение!

— Тебе ж и так Яга свой дом да должность оставила.

— Ну так это работать приходится, — от одной мысли о том, что у меня травы свежие не перебраны, клубочки волшебные путеводные в отварах не замочены, а сушёные мышки, которых Истерикс к дому подносил время от времени, за хвостики не развешены, становилось по-настоящему тоскливо. — Разве ж это жизнь? Работаешь, чтобы есть, ешь, чтобы работать! А когда я жить-то буду? Делать, что хочу? В небо голубое смотреть да облака пушистые считать? Да и замуж бы надо! А когда замужествовать, коль работы полно? Ох, нелегка жизнь Яги Бурановны, ох, нелегка...

Размышления мои о смысле бытия прервали истеричные вопли за дверью да топот такой, словно медведь по сухостою бежит, ей-богу!

Я только и успела, что тряпку половую на голову накинуть, рыжие кудри скрывая, а ходули достать времени не хватило, как дверь распахнулась, и в избу, бешено вращая глазами, вбежало страшилище!

— Что ты сделала, ведьма проклятая! — завизжало волосатое чудище женским тонким голосом. — На кого я теперь похожа?!

Истерикс, опомнившись, залился истошным лаем и, подпрыгнув, впился зубами в свисающие серые пакли, растущие из ладоней утренней посетительницы. Сейчас ничего в этом потомке леших не напоминало женщину обыкновенную. Ладно бы только ладони, так ещё и брови, щёки... нос... Длинные, кудрявые и уже спутанные в тугие клоки волосы росли отовсюду!

— О, так вы ещё и глаза тёрли пальчиками, — ухмыльнулась я, с искренним наслаждением обходя истерично визжащего противника. Истерикс запутался в седых волосах и теперь летал по комнате, потому что женщина визжала и размахивала руками.

Момент триумфа и мелкой мести быстро прошёл, уступив место деловитой расчётливости. Я набрала в грудь побольше воздуха да как гаркнула:

— Стоять на месте и не двигаться!

Они так и застыли. То есть женщина застыла, а длинные кудрявые волосы вместе с моей собакой пролетели ещё пару метров и вернулись по кругу к хозяйке, уныло свесившись, словно старая тряпка на швабре.

— Последствия устранять будем? — вкрадчиво поинтересовалась у посетительницы. — Или вы ещё раз хотите Бабу-Ягу обмануть?

— Б-будем... — заикаясь, пробормотала женщина, достав из-за пазухи кошель. — Только умоляю... быстрее, а то муж с поля придёт да как увидит, во что я превратилась...

— Разве вы не его лысину мазью лечить собирались? — удивилась я.

Посетительница смутилась.

— Я просто хотела попробовать... немного... чтобы коса густая... как раньше...

С этими словами на стол упал кошель с медными монетами, а я ухмыльнулась и взяла в руки ножницы.

— Что ж, прошу на лавку, уважаемая...

— А-а-а, что же делается, что же это получается? — тонко причитала посетительница, когда я, не скупясь, отрезала огромными железными ножницами волосы с бровей.

— Что вы переживаете? Дышать сейчас легче будет, коль ещё доплатите, я и не полностью вам брови сведу, а форму красивую сделаю, и щипать не придётся, — хмыкнула я, вспоминая, что как раз у деревенских пошла мода на тонкие ниточкой брови. — Смотрите, сколько плюсов!

— А руки? — женщина с ужасом уставилась на короткий ёжик волос, что словно густая шерсть сейчас покрывал её ладони и запястья. — Срезать-то мы срезали лишнее, а вот дальше...

— А что? Вам не нравится? — притворно поразились я. — Зимой же теплее, да и спать мягче — ладошку под щёку сунули — и никакой подушки не надо.

Страдалица горестно взвыла, раскачиваясь на табурете туда-сюда.

А я пожала плечами.

— И ещё пару золотых — и сведу так, что кожа будет аки младенческая.

Посетительница побелела.

— Да где ж я столько денег найду? — испуганно пролепетала она.

— А как воровать, так мы горазды, как покупать заморские баночки, так почему бы нет, а как честно оплатить собственную глупость, так денег не нашлось? Слышали поговорку: скупой платит дважды?! — я величественно подняла палец к небу, а Истерикус одобрительно твякнул. — А обманывать Бабу-Ягу — это себя не уважать. Радуйтесь, что лишь так отделались. Моя бабка, говорят, вообще бы вас в таком виде оставила! Чтоб другим неповадно было.

— Оставила, — эхом согласилась жёнка крестьянина и тут же осеклась под моим пронизывающим взглядом. — Да нет, я ж не знаю ничего...

Я угрожающе щёлкнула ножницами под носом барышни, и она тут же зачастила:

— Да это не я! Это наш Архип-пьянчуга! Болтался по деревне, болтал, мол, Яга-то новая — глупая и молодая! Задаром всё получить у неё можно, всё равно не ответит, ну вот мы и...

Совести у неё продолжить не хватило, и селянка замолкла. Хотя, какая там совесть?! Страх один, да и только!

— Косу ей отрежь! — мстительно предложил Пузан.

— Нет! — схватились за тощую косу деваха. — Всё что угодно, умоляю! Только не косу! Помогите мне, Яга Бурановна, я век не забуду! Всем-всем буду говорить, какая вы хорошая, добрая и...

— Страшная! — отрезала я. — Всем скажешь, что страшная, жуткая и злопамятная — и никак иначе! А теперь сиди и не дёргайся, иначе и впрямь отрежу чего лишнего!

Через час кланяющаяся чуть ли не в землю посетительница задом семенила в сторону леса, а я сунула в кошель курносый нос.

— Не густо, — постановила задумчиво. — Медяки одни. Ммм... дааа, я могла бы и сразу догадаться, что у деревенских золота не водится!

— Кощей-то вообще под землёй живёт, ему-то откуда такие расценки на сборы привиделись? — резонно заметил Пузан.

— И то верно, — решила я. — Тем более и в должность недавно вступил, обойдётся и тем, что есть. А в другие дни у нас больше денег появится. Точно тебе говорю!

Истерикус перестал обжёвывать валявшиеся на полу отрезанные космы бровей и одобрительно твякнул. Я приободрилась. Коль дальше так пойдёт, так я, того и гляди, все деньги вовремя соберу!

Ну... или не соберу...

То, что ничего больше не соберу, я поняла через два дня, когда только один кошель у меня и остался. Все желающие получить чудеса будто вымерли разом и мою избушку стороной обходили.

— Может, зря наказали всем говорить, что страшная? — осторожно поинтересовался Пузан.

— Да не... — отмахнулась я. — Вон, бабка моя в печь добрых молодцев спроваживала, и ничего! Только так к ней очереди выстраивались! Это ж с Бабой-Ягой как? Чем страшнее, тем лучше работает! Другое здесь что-то!

“Что-то другое” оказалось огородами. Как сороки натрепали — заняты все, некогда деревенским деньги тратить.

Больше ждать и смысла не было, а потому, собрав всё немногочисленное богатство да одевшись поприличней, я подошла к колодцу да внутрь глянула.

— Ну что... пошли? — осторожно спросила у друзей, а в следующий миг Истерикс, явно решивший, что я дала команду, с разбега нырнул в воду.

— Тя-я-я-я... — удалялся голос пса, затем последовал всплеск и пошли пузыри.

— Ой, дураааак, — протянул Пузан, но я уже его не слушала.

— Истериксик!

Вскарабкавшись на борт колодца, я поплотнее прижала кошель к груди и спрыгнула внутрь, в последний момент ухватив за крыло птицу.

— Меня-то за что? — последнее, что провопило над поляной, а затем белки на ветках услышали только «плюх-плюх»...

И тишина...

Глава 5 Водяной требует раскошелиться

К счастью, попали мы сразу на водяного.

Нет, ну как «к счастью»... Я ему накануне в воду половину недоеденного пирога с капустой кинула да в недро тёмное проорала: «Завтра будем, не потопи». Как пирог у меня сцапали, так послание дошло до адресата. А мне не жалко — всё равно же не доели... Чего добру пропадать, правда?

Так что, как только мы на дно колодца погрузились, мимо лица проплыло туловище хозяина речного.

Оглядев наши надутые щёки, он сам себе кивнул.

— Все трое поедут?

Я головой мотнула, за хвост притягивая к себе Истерикса и показывая знаками, что пора бы нам возможность под водой дышать даровать.

Однако же, вместо этого пожилой седовласый полумужик-полукарась взял да закинул нас в тину жидкую.

— Бу-у-уль! — вынырнула я... где-то... А рядом громко и истошно залился тьяканьем мой пёс. Правда, под толщей воды слышно его было довольно приглушённо, но Истерикс очень старался! Все свои маленькие лёгкие в дело гавканья пускал.

— С чем пожаловали? — хмуро осведомился водяной, оглядывая нас словно детей малых, которые по глупости в колодец сиганули, и их теперь обратно к родителям надо возвращать.

— Да я... — хотелось шаркнуть ножкой по земле, да тело с непривычки под водой кувырнулось. Вот так: бу-бу-бу-буль... Я кое-как вытянулась и приняла вертикальное положение — когда голова сверху, а ноги снизу, и лишь затем уточнила: — То есть не «я», а «мы»! Мы, собственно, не к вам, а к Кощею.

— К Кощею? — недоуменно нахмурился водяной перед тем, как его осенило: — А, так вам не сюда! Вам в подземные пещеры надобно было! Только от дел меня зазря отвлекли!

— Да как же?... — я растерялась. — Точно помню, как Кошей через колодец от нашей избушки уходил... Прямо бульк — и под воду ушёл.

— Так это Кошей, он где хочет, там и ходит, — отмахнулся водяной. — Вы-то зачем сюда припёрлись? Надо было через горы добираться. Там в горах вниз спускаетесь, по подземным лабиринтам ходите, через ущелья тёмные да лазы длинные проползаете, и где-то там, внутри, найдёте подземелье. Кошей там огромный город отстроил, а сам сидит в большом-пребольшом замке, где у него несметные сокровищницы.

— Идеальный маршрут, — одобрил Пузан. — А главное, понятный очень!

Водяной аж надулся от важности, а я представила весь путь по подобным указаниям и хмыкнула.

— Значит, Кошей именно в подземельях жительствоует? Что-то такое я и представляла. В своих сокровищницах на сундуках со златом сидит да богатства свои пересчитывает целыми днями. Потому и с людьми обыкновенными общаться не умеет.

— Так что зазря вы сюда заявились, — подытожил водяной, делая круг презрения вокруг нашей колышущейся компании.

— Как это зазря? — возмутился Пузан, еле-еле своими мокрыми крыльями по воде булькая. — Меня ж чуть не утопили!

Я лишь жалобно вздохнула.

— А вы, водяной уважаемый, разве не можете нас к Кощею переправить? Раз он как-то через ваше владение проходит, значит, у вас более короткий путь имеется.

Водяной задумался, прислонил палец к бородке козлиной и хмыкнул:

— Мочь-то я могу, но только зачем оно мне надо? Вы мне деньги платили? Не платили! А я зачем помогать буду?

— А кто полпирого съел? — возмутилась я. — Я его вам отсылала, в ткань красивую завернула, и вообще!

— Ну так за пирог-то вам и уплачено! Под водой и дышать, и разговаривать можете, — тут же отбрехался водяной. — Всё чин по чину!

Возможно, звучало бы логично, но Истериक्स залился таким истошным лаем, что от избытка чувств начал дёргать всеми четырьмя лапами, подплывая поближе к карасеподобному мужчине и явно планируя укусить того за длинный рыбий хвост. Водяной резво подхватил объёмное пузо и рывком отплыл подальше от моей собаки. И как-то так удачно, что ему в поле зрения мешочек с деньгами налоговыми попался. Он резко затормозил и очень так характерно покосился на мою зажатую ладонь.

— В принципе... я мог бы переправить вас к Кощею. Однако же, сами понимаете, дело это энергозатратное, волшебство невиданное, да и тропы водные со временем изнашиваются... — он помолчал и подытожил: — В общем, помощь эта не бесплатная. В нашем мире, знаете ли, сейчас налоги платить надо, а пирогами, тем более давно съеденными, их не покроешь...

Я печально вздохнула:

— И сюда Кощей добрался! Вот так и знала, что морда эта Темнейшая весь лес нам переполошит.

Открыла мешочек с медяками и расстроено сунула туда свой нос.

— Сколько денег-то надо?

Водяной радостно потёр руки.

— Так это... три монеты — и будет вам переход!

— Три?! — возмутилась я. — Три — это много!

— Тяв! — под шумок Истериक्स всё же добрался до вожака плавника и сейчас с победным кличем впился зубами в тонкие перепонки.

— Ой-ой-ой! — заголосил водяной.

— Р-р-р-р! — не разжимал челюстей пёс.

— Так ему! — подбадривал товарища Пузан.

— Истериक्सик, не надо, цену же поднимут! — причитала я.

Еле отодрали собаку и, наконец-то, перешли к расчётам...

Спорили мы до хрипоты, до тех пор, пока вода из ушей не пошла, но так как в этом плане у водяного опыта было больше, да и водица спокойно протекала у него и из ушей, и через жабры, то поняла я быстро — эту битву мне не выиграть. И сдалась, когда нога правая от постоянного бултыхания под водой занемела.

— Ладно уж, — выдала я положенные пять монет. Три за проход, две — за потрепанный плавник.

Затем, задрав голову, посмотрела вверх, туда, где через толщу воды мелькало красное солнышко. Неужто сейчас спущусь я в подземные глубины и не увижу долго света земного? Аж страшно стало... И как Кощей там в подземельях своих живёт? То-то, видно, злой он, потому что солнышка не видит. Не зря говорят, что без солнца красного да неба синего каждый орёл становится обыкновенной курицей...

Водяной, получив оплату, крайне недовольно махнул измочаленным хвостом и поплыл показывать нам, куда именно идти. Мы поплыли следом, а заодно смотрели по сторонам, и не далее как через один поворот я удивлённо застыла.

— Господин Жабсон! Я так и знала, что вы не утопли!

Жабоподобная туша в шикарном белом жабо и длинном высоком цилиндре, прикрепленном небольшими прищепками к толстой коже, дабы не уплыл вверх, на свет Божий, повер-

нулась ко мне, оторвавшись от лобызания одной из кикимор. Та смущённо хихикнула и прикрыла зеленоватые губы ладошкой.

— Яга! — воскликнул адвокат, давненько потерянный всем лесным народом. — Конечно, я не утоп, чего мне тонуть-то? Тем более, когда тут такая красота водится, — круглые глаза закатились, и он с восторгом посмотрел на девицу. — Надо тебе чего ли? У меня, между прочим, медовый месяц. Не отвлекай понапрасну!

Звучало так искренне, что я даже не поверила.

— А ваш отъезд и последующая женитьба, а также приезд Его Темнейшества в наш лес совершенно случайно никак не связаны? А то вы вроде как раз перед этим и пропали...

Круглые глазки мистера Жабсона забегали, и он, откашлявшись, поправил жабо на толстой шее.

— А почему, собственно, ты спрашиваешь? Я своё дело знаю, у меня всё подсчитано. Я карьеру заранее завершил, а если заново и вернусь к профессии, так это она новая будет. За старые прегрешения никто шкуры не сдирает, а поминать былое и вовсе моветон. Так что, это... вы там наверху бойтесь, а у меня месяц медовый!

— Удобно устроился, — возмутился Пузан, а потом толкнул меня крылом: — Яга, а может быть, мы так же сделаем?

Я же вздохнула.

— А кабачки? Огурцы? Ну куда я от своей избушки уйду, а от огородика любимого? Да и дел-то там по горло. Эх, нет.

Я пожелала молодым счастья и поняла, что в ближайшее время мне помощи с бумажками не видать. А ведь мы с мистером Жабсоном один раз даже от князя земного отбрехаться сумели. Но князь, это вам не Кощей...

Повернувшись к водяному, я сказала:

— Веди нас... К Темнейшеству...

Нам пришлось опуститься на самое дно. Туда, куда даже самые смелые обитатели подводных глубин не залезают. На дне темнотища — хоть глаз выколи, но водяной жестом циркача-фокусника указал на пещеру в тёмных речных глубинах:

— Вот туда пойдёшь. Через подводные тропы выйдешь на берег каменный, ну, а там прямо пойдёшь. Вот и всё.

Я обернулась и недоверчиво переспросила:

— Вот прямо-прямо? И никуда не сворачивать?

— Вот прямо-прямо.

— И неужто сразу к Кощей выйду?

— И сразу к Кощей выйдешь, — как на духу заверил водяной. — Не сомневайся, слово водяного так же крепко, как местоположение кувшинки в текучей реке. Так что иди давай, а у меня дел по горло.

И с этими словами в спину всей нашей компании с силой ударила волна. Закружила, закрутила, в пещеру засосала, а там и выкинула куда-то вперёд. На миг глаза заволокло мутной пеленой, я забарахталась, пытаясь найти то ли хвост Истерикса, то ли выход. К счастью, нашла первое. С силой оттолкнулась от внезапно каменного выступа и вынырнула под своды тёмные.

— Пузан! Пузан! — закричала я в высокий потолок, освещённый прилипшими к нему светлячками. Что здесь делали светлячки — честное слово, не ведаю, хотя я не присматривалась, может это пиявки или речные слизи мерцающие, но без них была бы темень непроглядная. Но свет светом, а паниковать мне было из-за чего, потому что видела я абсолютно всё, кроме своего ворона.

— Тяф! Кхе-кхе, тяв-тяв! — отфыркивался мой пёс.

Ну, хотя бы жив...

— Неужели Пузанчик утонул? — всхлипнула я, бестолково гребя то в одну, то в другую сторону, проверяя, куда же делся мой друг.

— Помочь? — лениво уточнила русалка, внезапно вынырнувшая из-за ближайшего камня. Девица уселась на упитанный хвост и, достав гребень, начала расчёсывать длинную синюю шевелюру. Она смотрела на меня так, как смотрят на богатого клиента. Может быть, зря я мешочком с деньгами в воздухе махала?

Я всхлипнула:

— Я Пузана потеряла! Это ворон мой!

— Его, наверное, в трубу засосало, — равнодушно пожала плечами русалка и махнула хвостом в сторону узкого лаза под водой. — Если он кругленький — авось застрянет где-нибудь посерединке, а если оваленький — то может и просочится дальше... А там труба длинная-длинная, сразу в море выходит. Если не успеем спасти — не видать тебе Пузанчика...

Она притворно жалостливо вздохнула и обнажила крупные клыки.

Я злобно прищурилась. Эх, нет со мной метлы! Уж я б этой девахе!

Но деваться некуда, так что, помолчав, я мрачно выдала, поглядывая на девицу как на врага народа пернатого:

— Сколько?

— За две... за две монеты договоримся, — оживилась русалка, восторженно хлопая по воде хвостом. — Мне как раз на налоги немного не хватает...

Тыфу ты, блин! И эта туда же! Всех обошёл, ирод проклятый! Всю жизнь жили дружным братством — помогали друг другу, а как появилась эта высокомерная харя в лесу волшебном — так сразу меркантильные все стали.

— Идёт, — дала отмашку, смиряясь с потерей.

Последовал короткий всплеск, и прекрасная дева ушла под воду. Я как раз успела выползти на каменный берег, вытащить за собой уставшего Истерикса, выжать по одной каждую его лапку и взяться за хвост, как из-под воды вынырнула голова русалки.

— Яга! — подозвала она меня, сверкая самодовольной улыбкой. — Деньги давай!

Я недовольно отсчитала две монеты и кинула их в воду. Уходящая девица поймала оплату на лету и за лапки вытянула из воды моего Пузанчика.

— Чуть не улетел в трубу! — покачала она головой и прищурилась. — Но ты его хорошо кормишь, застрял намертво! Как вам повезло, что я рядом проплывала. Еле отодрала, конечно, но за хорошую оплату чего бы не помочь, верно?

— Замечательно, — мрачно согласилась я, принимая ошaleвшую от страха птицу.

Пузан стоял столбиком, вытянув лапки с крыльями по швам, и тарасил круглые глазёнки.

— Яга, — прошептал он, — там знаешь, что было?

— Что? — удивилась я.

Пузан лишь клювом повёл.

— Меня словно в клозет новомодный смыли и по трубе пропустили, а там... тёмные-тёмные тени, морды всякие скалились!

Я поёжилась. Как хорошо, что я как-то мимо проскочила — у меня психика нежная, не такая, как у Пузана. Тому-то ничего не будет: он увидел, испугался, а потом поест и забудет. А я — девушка хрупкая, пусть и злопамятная. Недаром физиономия Кощея как живая перед взором стоит!

Делать нечего — раз выжили, то надо дальше идти. Попрощались с русалкой и побрели по прямой дороге вперёд, к Кощею...

Глава 6 Горыныч и его проблемы с зубочистками

Если я думала, что это все неприятности в нашем путешествии, то я ошибалась. Неприятности ждали нас за первым же поворотом.

Мало того, что мы были мокрые, грязные, уставшие, злые и наполовину утопленные — так ещё и наткнулись на спящего Змея Горыныча!

— А что он в пещерах забыл? — шёпотом поинтересовался Пузан, втягивая мохнатое брюшко поглубже в рёбра. А то увидит змеюка, почувствует, что мяска в вороне много, да как поджарит — словно шашлычок нажористый. А Пузану оно надо? А Пузану оно не надо!

Я испуганно сглотнула, понимая, что хоть и костлявая вся, хоть и волосы длинные помешают меня пережёвывать, но зубочистки после сытного ужина змеюкам тоже нужны, а тут мои косточки всегда кстати придутся.

— Пройдём сторонкой, — предложил Пузан, крылом показывая, куда именно идти.

Я лишь кивнула. Так страшно было — жуть, аж коленки друг о друга стучали. И делали это так громко, что пришлось между ними кусок подола засунуть, потому что невозможно — того и гляди от стука змей древний проснётся!

Сделали мы два шага... Ещё два... Тихо-то как... Не успела я обрадоваться, как вдруг поняла — Истерикса-то с нами нет! Куда эта блоха мохнатая делась?

— Истерикс! — зашептала истошно. — Ты где?!

Собака обнаружилась именно там, где не надо.

Пёс мой глупый увидел косточку! Аккурат под лапой Горыныча. И то, что косточка размером с кабана, моего питомца совершенно не смутило. Шевеля маленькими тонкими лапками, этот хлебный батончик, покачиваясь, весело приближался прямо к средней распахнутой змеиной пасти.

— Пусть земля ему будет пухом, — пожелал Пузан с жалостью, глядя на незадачливого соседа по избушке. — Пойдём, Яга, что тут сделаешь? Помянем его потом, как наверх вернёмся.

— Да тьфу на тебя! — рассердилась я, бросаясь следом за своим питомцем. Пусть глупый, пусть неразумный, душа же болит! Как же я его брошу?

Стоило мне подбежать к морде змеиной да за собакой нагнуться, как перед моим носом глаза хозяина пещеры распахнулись, и от увиденной наглости у Горыныча аж дыхание спёрло сразу в трёх горлах.

— Это что ещё за диво? — возмутился крылатый змей, подскакивая на ноги. Только не учёл, что пещера-то невысокая, и головы друг за другом ка-а-а-ак об потолок ударились! Вот так: бум-бум-бум!

— А-а-а-а! — завопил змей, рассерженно хватая лапами то одну, то другую голову и пытаясь посмотреть на меня наливающимися кровью глазами.

— Это не я! Честно-честно! — ответила змею, делая шагочек за шагочком в обратную сторону. Истерикс на моих руках оправдывал своё имя и заливался истошным лаем, потому что не добрался до вожаемой кости. И это, естественно, не придавало спокойствия ситуации.

— Послушайте, уважаемый, я вас не трогаю, спите себе спокойно, — попыталась ещё раз уравновесить своё стремительно ухудшающееся положение. — Мы тут потихонечку мимо идём, ни на что не претендуем. Просто хотим убраться подобра-поздорову.

— Подобра-поздорову не получится. Получится только в желудок, — честно предупредила правая голова змея и облизнулась.

Левая голова уважительно кивнула:

— Хорошо сказала!

Средняя постановила:

— Значит, решено. Как будем жрать малявку?

Истерикс возмущённо тявкнул, а потом понял, что речь не о нём, а обо мне, и благоразумно решил не отвечать.

Я нервно хихикнула, а затем резко бросилась в угол пещеры, в надежде забиться под какой-нибудь камушек. Жаль, что ярко-рыжая копна волос горела почище солнышка даже в неярком свете пещеры и, естественно, привлекала к себе внимание. Меня довольно быстро вытащили на свет светлячков, держа за ногу и рассматривая словно червяка на вертеле. Боюсь представить, что именно послужит вертелом в фантазии этого самого змея — огонёк-то у него всегда с собой.

— Костлявая, — проговорила средняя голова придирчиво, прокручивая меня за ножку в разные стороны.

— На всех не хватит, но я её первая нашла! — тут же сориентировалась правая голова, как раз около которой мы столкнулись в первый раз с Истериксом, как говорится, нос к носу.

— Но ты ела неделю назад! — тут же осадила товарку левая. — А у меня и кабанчика дохленького уж две недели на зубах не хрустело! Желудок у нас один, а пасти разные. Пасти надо по очереди использовать!

— Очередь очередью, — постановила центральная, — а самая мозговитая из вас — я. Соответственно, кормить надо в первую очередь меня. Не будет меня — не останется мозгов, вы обе начнёте травку жрать!

Головы чуть не передрались, несколько раз попытавшись укусить друг друга за уши. Наконец, я привлекла их внимание:

— Послушайте, уважаемые, мне крайне неудобно постоянно поддерживать юбку в правильном положении. А если её опустить, то там и панталоны на свет появятся, а это неприлично, знаете ли. Не могли бы вы меня поставить так, чтобы ноги оказались снизу?

— Говорящее оно, — проговорила правая голова. — Не к добру, сожрать надо быстрее.

— А коль шевелиться во рту начнёт? — спросила левая голова.

— Так это же всем известно, — проговорила соседка. — Если кушаешь ягодки и что-то шевелится, надо просто быстрее жевать. С людьми так же работает, точно вам говорю!

«Вот и конец мне пришёл», — печально подумала я, но тут услышала, как Пузан, страдальчески кряхтя и охая, вышел в центр помещения и тряхнул мешочком с деньгами.

Неужели смелости набрался ради меня? Неожиданно, однако.

— Денег тебе, Горыныч, тоже не надо? Неужели Кощей ещё до тебя не добрался? — с явной провокацией в голосе поинтересовался Пузан, позвякивая оставшимися монетками. — А то мы-то как раз к нему направляемся, думали, встретили друга по несчастью, а ты вот так...

Все три головы дружно ахнули и разжали лапы. Я шмякнулась об каменный пол и порадовалась тому, что мозгов в голове немного, иначе бы отбила все.

Сев на седалищное место, потёрла затылок и поинтересовалась:

— Что, вас тоже на налоги посадили, да? Требуют?

Горыныч печально вздохнул:

— Ох, требуют, ещё как требуют...

Я прикинула, что хуже: остаться снова без денег или в принципе не дойти до подземных пещер? Решив, что голова мне всё же ещё понадобится, обречённо спросила:

— Так, может, отпустите меня не сожравши?

— А сколько заплатишь? — уточнила правая голова.

Последовала долгая пауза.

— Одну монету? — с надеждой уточнила я, улыбаясь во все тридцать два зуба.

Головы переглянулись.

— Нет, — покачалась на шее левая из голов. — Одной — точно мало. Пять давай!

— Пять?! — ахнула я.

Я вырвала мешочек из крылышек Пузана и засунула туда нос.

— Так у меня же всего... — быстро пересчитала: — Раз, два, три, четыре. пять. И всё! Нет, так не пойдёт! — возмутилась искренне. — Тогда жрите, можете начинать!

Центральная голова нахмурилась:

— Нет, тогда нам совсем не выгодно. Давай на четырёх сойдёмся?

— Две — не больше! — стояла я на своём, выпячивая лоб, как баран.

В итоге спорили мы до хрипоты, так что стены каменные дрожать начали. И в результате вышла я из пещеры с мешочком, похудевшим на целых три монеты. Но чувствовала себя победителем, потому что впервые в жизни смогла сторговаться с самим Горынычем! Аж гордость брала.

— Что делать будем? — поинтересовался Пузан, печально вздыхая.

— Две монеты — это, конечно, плохо, — кивнула, но затем повеселела: — но лучше, чем полпирога с капустой, согласишься?

Глава 7 Проход только для своих

Ну и город Кошей под землёй построил!

Мы только из прохода вышли и тут же встали как вкопанные, сражённые... поражённые... обалдевшие от подобной красоты!

Я-то думала, мы как выйдем, так что-то типа башни найдём, где на самом верху Кошей сидит, а в подвалах у него пленные несчастные налогоплательщики обитают. А оказывается — этот грозный мужик под землёй огромный град отстроил! Прямо как у князей земных. И что самое интересное — там живут и люди, и волшебные существа разные. В основном, конечно, суровые мужчины, но я даже несколько женщин и детей увидела.

— Вот вам и «прямо идите», — пробормотала я, раздумывая, а как нам теперь через все эти улицы к замку-то попасть. Замок Кошеев прямо из-под земли высился до самого верха пещеры: голову задерёшь — и потолка не видать. Но делать нечего, срок, данный Кошеем, уже почти вышел, и я, взяв в руки всё своё мужество, потопала вперёд.

Идём мы по улице, а вокруг люди суетятся, кушать готовят, и каждый первый жуёт чего-нибудь!

— Время... обеда, — мрачно проинформировал Пузан. Откуда информация у него о времени — загадка, но все ж едят! Не поспоришь!

Мимо прошёл ребялёнок, с удовольствием обсасывая сахарного петушка на палочке. В животе как забурчало — самой невозможно слушать!

А как дошли мы до палатки с беляшами, так и встала я как вкопанная.

— Не могу, не могу больше! Вот умру сейчас, если пирожком с мясом не разживусь!

— Э-э-э, Яга, ты это... у нас и так денег мало! — возмутился Пузан, вставая грудью перед ларьком. — Чем мы с Кошеем расплачиваться будем?

— Честное слово, Пузанчик, если не поем, прямо здесь лягу! — ответила я со всей душевной честностью. Слюни от голода уже чуть ли не на мостовую капали. Посмотрела вниз — а действительно капает! Только не мои, а Истерикса.

Пёс мой, настроившийся поест от пуза, на ворона противного зарычал, что стоял между нами и вожаемым беляшом. А потом как залает громко-громко!

— Не пройдёшь! — кричал Пузан, размахивая крыльями.

— Тя-тя-тяв! — заливался пёс, насккивая на неприятеля.

Еле разняла их.

В итоге, лишился мой мешочек ещё одной монеты и оттого даже позвякивать перестал. А я сидела на ступеньках города, смотрела, как орудует напротив леший незнакомый, что здесь кузнецом работал, прямо рядом с людьми обыкновенными! И счастливо жевала пирог с мясом. Рядом чавкал Истерикс. И даже Пузан, хоть и бурчал громко-громко, а всё же свою порцию проглотил крайне быстро и теперь делал вид, что нас осуждает.

Наевшись и напившись водой из колодца, побрели мы дальше. Шли мы, шли, а потом ещё шли, поднимались по высокой лестнице и к концу подъёма заработали одышку.

Перед самой дверью в царские палаты остановил нас домовый.

— Чего надобно? — хмуро осведомился он, разглядывая подозрительно, чуть ли не приносясь. — На какое время записаны?

Я растерялась.

— В смысле — на какое? Я к Кошеею иду, понимаете...

Домовой только отмахнулся.

— Тут все к Кошеею. Время какое у вас записано?

Я переглянулась с товарищами. Так, а это что — записываться надо было?

— Слушайте, уважаемый, — попыталась объяснить я. — Я сама пришла, даже не стала дожидаться, чтобы Его Темнейшество наверх прибыл. Потратила своё время, деньги и вообще...

Говорить о том, что на самом деле я боялась, как бы Кошей меня выселять из избушки не пришёл, и поэтому сама притопала, я благоразумно не стала. Чай, не дурочка какая-нибудь. А так, глядишь, раз сама на поклон явилась, Кошей, может, и половину долга скосит. Или сколько там получается после всех расходов дорожных?

Сейчас, конечно, денег почти не осталось, но, стоя перед самым дворцом, отступить стыдно. Раз пришли — пускай принимает нас Кошей!

Это я и попыталась было объяснить.

Но домовый заартачился.

— Нет, — упёр он руки в бока, — только по расписанию, только по записи. А коли не записывались — так идите с миром.

Истерикс хотел уже было в бой кинуться, только я не дала. Посмотрела просящими глазами на домового и сказала:

— Послушайте, миленький, ну пожалуйста, ну пустите нас! Мы столько времени шли, ножки устали. А Кошей, он же нас как родных встречать должен. Мы же с ним это... одной крови — герои сказочные, злобные. Он меня наверняка ждёт, понимаете? Сам сказал, что ко мне внимание повышенное! Яга я! Яга, понимаете? Это не абы кто! Не Волк Серый добропорядочный, не Василисы прекрасные, премудрые, тьфу, неженки всякие! А вот такая же сущность недобрая, как и он сам. Пропустите скорее — честное слово, он сразу скажет, что только меня и ждал!

Я искренне надеялась, что этот самый Кошей не прогонит нас взашей после этих слов. С другой стороны, в первую нашу встречу мы действительно друг друга как-то по-особенному почувствовали. Ведь не зря же в груди трепетало! Я тогда, по глупости конечно, считала, что от злости. А вот сейчас подумала, что может, всё и не так! Может, это душу родную почуяла!

В общем, уламывала я домового, уламывала... В итоге он обернулся вокруг, подсматривая, никто ли не подслушивает нас, а затем коротко шаркнул ножкой.

— Яга, говоришь? Ручку позолоти, Яга. И пропущу к Кошее. Обещаю!

— Да что же это такое! — возмутилась я. — Последнее отнимают! Сколько можно? То тому ручку, то этому ручку! А я в одних подштанниках перед Кошеем предстану?

Я прижала похудевший мешочек к груди и сказала, что нет, не пойду на подобное! Домовой пожал плечами:

— Ну, тогда до свидания.

— Нет, мне это тоже не подходит!

Спор перешёл на второй круг, но теперь уже денежный.

В итоге, решив, что настоящую Бабу-Ягу Кошей будет рад видеть и за просто так, я рассталась с последней монетой, решив: «Сгорел сарай — гори и хата!» Вдобавок, если просить рассрочки, лучше это делать на территории неприятеля. Я с гордым видом положила медяк на морщинистую ладонь и кивнула.

— Всё, веди нас к Кошее!

Домовой, радостно оскалившись, сунул монету в карман пиджачка и отворил дверь.

— Идите уже, подождите где-нибудь в коридоре. Там таких, как вы, целая очередь. Последние будете.

Домовой затолкал нас внутрь помещения, чтоб не задерживались, и я громко ахнула. Даже Истерика с рук уронила. Видимо, не только меня ушлый домовишка развёл на оплату! Весь коридор полнился сказочными собратями! Попадались даже такие особи, которых я в жизни не видала.

Пузан ко мне аккуратно бочком приблизился.

— Это что, лихо там у стеночки притулилось?

Я ему посоветовала:

— Ты глаза закрой и лучше не смотри в ту сторону. Давайте просто сядем где-нибудь поскромнее и подождём Кощея, нас-то он всяко раньше всех примет!

Мило улыбнувшись собравшимся, громко спросила:

— Кто тут последний?

Пышнотелая царевна-Лягушка тёмно-зелёного цвета манерно подняла лапку, и я быстро приземлилась сразу за ней.

— Те, кто по талонам, идут первые, — пояснила новая соседка. — Ну, а мы — как получится. Я вот принцесса заморская. А вы кто у нас будете?

— А я... Яга... обыкновенная...

Глава 8 Попали к Кощею!

Мои надежды на то, чтобы пройти без очереди, не оправдались. Оказалось, что соседи по ожиданию довольно агрессивны. Стоило мне сделать лишь шаг по направлению к приёмной, как зашикала добрая половина толпы.

— Да я только спросить! — невинно улыбнулась, надеясь на сказочную солидарность. В конце концов, у нас у всех одна цель, а мне действительно ненадолго надо. Кощей как только меня увидит, так сразу и примет положительное — для меня, конечно, — решение.

— Сиди где сидела! — булькнула со своего места водяная, потрясая объёмным пузом. — Ишь, развелось негодяек рыжих! — она почти оскорблённо погладила лысую синюю макушку и фыркнула.

— Чем вам рыжие не угодили? — поправила я шикарные кудри и покачала головой. — Вы, уважаемая, видимо жизнью обижены, если лишь по цвету волос существ разумных определяете. А я, между прочим, с Кошеем знакомая. Он меня ждёт, сам сказал, чтобы это... — задумалась, чтобы такого соврать, — ...сказал, в общем, что проходить можно мне в любое время, вот!

— Вот прям так и сказал? И что, напролом пойдёшь? — хихикнула кикимора, довольно нагло привалившись к плечу меланхолично задумчивого богатыря. Ни разу такого не видала, новенький, наверное.

У кикиморы, кстати, почему-то отсутствовал клочок волос и под глазом наливался свежий синяк. Хотя, если оглядеться, то недалеко от меня в небольшом корытце сидела полуголая русалка. Девушка потирала расцарапанную скулу и время от времени обиженно шмыгала маленьким круглым носиком. Я сделала серьёзное лицо, постаравшись не хихикнуть, потому что быстро сделала вывод, кто из барышень застолбил себе право рядом с богатырём сидеть. Видимо, к хорошим мужикам тоже очередь, как и к Кошее.

Я почесала в затылке, не желая нарываться среди воинственно настроенных сказочных созданий. На всякий случай переглянулась с Пузаном. С Истериксом переглядываться не стала — у него мозгов ещё меньше, там и мыслей мне нужных не водится.

— Не мельтеши и сядь на место, рыжая! — постановил незнакомый леший и упёр руки в бока, ознаменовав окончание разговора.

Я не нашла даже малюсенькой лазеечки, чтобы как-то получше устроиться. Пришлось смириться с поражением и усесться обратно на маленькую низенькую лавочку, видимо, поставленную для того, чтобы дать понять, насколько невеликими считаются гости Кошечевы в этом замке.

В итоге, спустя часа три — или, может быть, чуть больше — когда я уже успела задремать, меня растолкала царевна-Лягушка, выпрыгнувшая из приёмной.

— Иди давай, — прошептала она, хмуро поглядывая через плечо. — А то за тобой ещё целая куча народу припёрлась, как бы не обогнали на поворотах.

— Как у тебя всё получилось? — сонно переспросила я, крайне надеясь, что Кощей сейчас в хорошем настроении.

К сожалению, надежды не оправдались. Лягушка поморщилась.

— Ладно бы Кощей... — загадочно проговорила она, но затем чертыхнулась и манерно закатила водянистые глаза под череп. — В общем, сама разберёшься! Противный мужлан! — не сказав больше ничего, царевна упрыгала прочь.

Я же встала, оправила довольно потрёпанную юбку, взяла на руки Истерикса и решила, что если помирать — так с честью!

— Здравствуйте, к вам можно? — заглянула в приёмную, но вместо Кощея, к своему удивлению, увидела его секретаря — молодого ушлого домовёнка с редкими волосенками на голове.

— Имя! — потребовал он, тыча в меня золотистым пером жар-птицы.

— Яга Бурановна.

— Ага... — секретарь повёл пером по длинному списку должников и тыкнул в нужную строчку. — Яга Бурановна. Налог на избушку, налог на землю за три года жизни, налог на начало предпринимательской деятельности, налог на использование зелий... А также можете выбрать либо налог с каждого сотворённого чуда, либо общий стандартный налог, который в будущем отложат на вашу пенсию. Он немножко больше, зато считать не надо, — тут секретарь хихикнул и высокомерно смерил меня взглядом: мол, кто-то тут считать умеет, а кто-то нет. — Советую выбирать второе.

— Подождите! — возмутилась я. — Вы мне тут что на уши навешиваете? Я вообще не к вам, я к Кощею!

— Думаете, Его Темнейшество к себе первого попавшегося пускает? — рассмеялся секретарь. — Оплачиваем, девушка, долги и на выход.

— Да что же это за дело такое? — возмутилась я, уже порядком уставшая от того, что всю дорогу меня преследует какая-то невиданная бюрократия. — Там заплати, здесь заплати, вы вообще кто? По какому праву на волшебную Ягу бочку катите, а ну!

В итоге, я настолько рассердилась, что схватила из угла стоявшую здесь метлу и ткнула ею в воздух прямо перед носом домового.

— А ну, пускай меня к своему хозяину! Только с ним разговоры вести намерена! Ишь, чего вы захотели — Ягу в рамки загнать! Я вам покажу, как нос задирать! Яга Бурановна врагам не сдаётся!

Истерики, обрадованный шумихе, залился истошным лаем и запрыгал на своих коротеньких ножках, создавая суету и агрессивно скаля зубы на домового. Того и гляди в тощую ляжку впечется, не отодрать — мой пёс до косточки в пещере Горыныча не добрался, так что в этот раз добычу законную упускать не хотел.

— Яга... а Яга, может быть, не надо? — попытался утихомирить меня Пузан.

Но я уже разошлась: столько времени не спавши, не жравши, не отдохнувши, и все из меня деньги тянут. Да сколько можно?

— В общем так, или ты сейчас меня пускаешь к Кощею, или я... — я угрожающе замахнулась метёлкой.

Но тут от дальней двери послышался ехидный голос:

— И что же вы сделаете, Яга Бурановна?

Метла казённая как-то сразу из рук выпала, а я испуганно обернулась.

— Ой... А я к вам! — постаралась мило улыбнуться прибывшему на место драки Кощею, но, похоже, мужчина не очень впечатлился моим видом. — Можно, я зайду?

Его Темнейшество переглянулся с секретарём, и тот возле шеи сделал движение рукой, которое я сочла крайне оскорбительным. Это он на что намекает?!

Но Кощей внезапно проговорил:

— Заходите, — и даже чуть посторонился, открывая взору ещё один кабинет за дальней дверью.

Я со всей возможной грацией подняла метлу, с видом победителя закинула её на плечо, а затем не удержалась и показала домовому язык, гордо прошествовав мимо.

Однако же в кабинете начальства вопрос сам собой не решился.

— И зачем же я вам понадобился, Яга Бурановна? — сразу, как только дверь за нашей компанией закрылась, Кощей сложил руки на груди и перекрыл доступ к мягкому креслу, на которое я нацелилась. Вот прямо встал как столб: не обойти не объехать.

— Так я это... — переступила я с ноги на ногу и молча протянула мужчине пустой мешочек из-под денег: мол, смотри, до чего меня жизнь довела!

Кощей взял предложенное, взвесил на ладони, открыл, посмотрел внутрь, затем закрыл и хмыкнул:

— Негусто.

— Это потому, что к вам фиг доберёшься! — огрызнулась я. — Я, между прочим, пострадавшая сторона.

— Да что вы говорите? — усмехнулся Кощей. — Денег нет — значит в тюрьму пойдёте. Неужто не знали? Или сами сдаваться пришли?

— В какую ещё тюрьму? — от возмущения у меня аж дыхание перехватило. — Это вы в наш лес явились и устроили свои порядки, а ядолжна их исполнять? И вообще, на какие шиши вы такие дворцы отстроили? Это всё на наши налоги, да?

— Если разбирать по фактам, то, во-первых, вы налоги не платили, — тут же отбрил меня Кощей, — так что на ваши деньги я точно ничего не строил. А во-вторых, налоговая база, так же, как и законодательная, для всех работников волшебного леса существует уже несколько веков. А то, что предыдущий ваш начальник, царь Салтан, с вас ничего не собирал, так это его проблемы. И прошу заметить, что пенсию он тоже не выдавал. Не слышали, как народ жалуется?

Я нахмурилась.

— А причём тут пенсия?

Кощей, похоже, мой вопрос позабавил.

— А откуда, вы думаете, берутся деньги на пенсию? В вашем лесу последние полгода, как я в должность вступил, старикам и молоко, и овощи подвозят постоянно, и дрова для печи заготавливают.

Я лишь пожала плечами.

— Не знаю. Откуда-нибудь денежки да берутся. Богачи, наверное, оплачивают.

— А богачам нечего делать, кроме как нахлебников на своей шее держать, правда?

— В смысле, нахлебников? — возмутилась я. — Все старые когда-то работали!

— Работали, но всё, что зарабатывали, сами проедали. Если они налоги не платили, то кто их содержать должен? Ежели старый народ зимой в своих холодных норах помирал, то вы лишь оплакивали да потом жаловались, что не доглядели. Не лучше ли всё это под контролем держать, чтобы ответственные лица за всеми приглядывали?

Я насупилась. Вот уж наглая морда! Откуда понять таким зажиточным негодьям, как живёт простой народ? Откуда нам налоги платить, если часто на еду не хватает? Пусть сам из своего кармана достаёт, от него не убудет!

— Мало того, — продолжал Кощей, — этот ваш царь Салтан как раз и отстраивал царские палаты, когда имущество погибших в боях себе забирал. И это вместо того, чтобы обустроить школы и училища для малолетних. Нормально, по-вашему?

— Знать не знаю никаких Салтанов, — огрызнулась я. — Я вообще из деревни, мне все эти барские разборки неведомы. Кто там, чего и куда...

— И почему я не удивлён? — хмыкнул Кощей. — Не переживайте, я его уже в темницу заточил, так что и не познакомитесь, коль в соседней камере не окажетесь. А между тем, у нас совсем скоро академия стартует для юных жителей Волшебного леса, чтобы уметь со своими силами управляться. Вот вы, Яга Бурановна, знаете, как ваши силы работают?

Я пожала плечами.

— Как... как... травки собираю, в воде вымачиваю, кручу-верчу, а потом чудеса делаю. Что тут сложного-то?

— Оно и видно. А вот если бы вы научились, то не только бы писать и считать уметь, но ещё и работать лучше начали, а значит, зарабатывать больше. Зажиточные и образованные люди ходили бы к вам, а не покупали на базарах всякую ерунду у шарлатанов.

Я аж подпрыгнула от неожиданности! А это он откуда знает?! Кто принёс информацию на лапках прямо в палаты Кощеевы? Кинула подозрительный взгляд на Пузана, но мой ворон тут же отбредался:

— Это не я, честное слово! Наверное, сороки опять али голуби подсылные!

Хотела ещё проверить Истерикса, но пёс внезапно обнаружился прямо на сидушке самого Кощея. Вот прям посередине кресла развалился лапами кверху, явив миру голое пузо и вывалив язык, и уже похрапывал. Умаялся, бедненький, за дорогу дальнюю, а тут такой соблазн мягкий... Он у меня падох на подушечки всякие, не зря всю жизнь со мной в постельке спит. Я осторожно на Кощея покосилась, но тот, по-моему, либо не заметил вторжения, либо не сильно оскорбился тем, что его имущество используют не по назначению.

— Но меня-то никто не учил! — всё-таки предприняла я последнюю попытку выиграть словесную битву. — А если никто не учил, то почему я должна платить за чужое обучение? Я, вообще-то, не добрая сущность, а Яга! Я создана, чтобы людям жизнь портить. Работа такая, вам ли не знать, однако.

— В нашей школе появится возможность всем выучиться, — протянул Кощей, ничуть не оскорбившись, а затем смерил заинтересованным взглядом сначала меня, потом метлу. — Кстати, Яга Бурановна, если денег не принесли, может быть, есть желание отработать?

— Отработать? — переспросила я, облизнув губы. Это на что он намекает, Темнейшая морда?

Глава 9 Месть от Яги и последствия

Я-то думала, Кощей понял, насколько он далёк от лесного сообщества, и попросит меня стать гласом народа, оливковой ветвью переговоров между ним и сказочными жителями. И тогда бы я, конечно, открыла Его Темнейшеству глаза на то, насколько злы и препротивны его злодеяния! И онбы исправился, долги всем простил и в ранг лесных спасителей меня записал.

Я мысленно уже приготовилась к отработке, в которой указываю на промахи Кощея, а он восторженно рукоплещет.

А вот того, что мне выдадут метёлку, совочек и ведро для мусора, я совершенно не ожидала. Вот ни капельки!

— Чтоб ему пусто было, — бормотала я, яростно подметая бесконечные коридоры дворца. — Чтоб у него уши засохли и отвалились! Чтоб мухоморы в подушке проросли... Кстати, это можно устроить...

Я на секунду задумалась, но, услышав покашливание домового, приставленного за мной следить, вновь взялась за дело. Раз денег нет, отработать надо, ишь ты! Домовых ему мало! Меня, потомственную Ягу, за метёлку!

Обида кипела внутри и требовала немедленного выхода. Этот наглый узурпатор ещё пожалеет!

Видимо, последние слова я сказала вслух, потому как ворон на моём плече недовольно поддакнул:

— Ещё как пожалеет! Взял бы лучше и накормил дорогих гостей, так нет же, работать заставил, изверг проклятый!

Мы в это время проходили мимо кабинета Кощеева, в котором нас до этого принимали. Начальник как раз отсутствовал. Он принял всю дожидающуюся его очередь и куда-то смылся. Наверняка, поесть пошёл!

Я ненадолго остановилась, чувствуя, как подступающий голод подстёгивает и без того злодейские планы.

— Слушай, — тихо шепнула своему питомцу, тому самому, который поумнее, — а если мы сейчас...

Пузан покосился на меня коричневым глазом.

— Пакость хочешь сделать?

Я кивнула.

— Ещё какую! Вовек не забудет!

Пузан крепко задумался и думал целый круг, пока я активно орудовала метёлкой. Наконец, кивнул.

— Давай, Ягуся, я в тебя верю! — и тут же скомандовал заскучавшему Истерику: — Мелкий, за мной!

Не успел бедный домовый понять, в чём дело, как на него набросились сразу два противника. Пузан угрожающе махал тяжёлыми крыльями, норовя добраться до плешивой макушки, а мой пёс просто радовался возможности полаять вволю.

— Что это?! Уберите! — завизжал несчастный, размахивая тонкими ручками, и, после первой неудачной попытки отмахнуться от довольно крупного ворона, бросился наутёк.

— Ка-а-а-ар-р-р! — победно прокричал Пузанчик, бросаясь в погоню.

— Тяв-тя-тя-тяв-в-в! — вторил ему мой батон на ножках, несясь следом и путаясь в собственных конечностях.

Стоило им скрыться за поворотом, как на лицо выползла гаденькая ухмылочка.

— Ой, тут дверь открыта, — хихикнув, возвестила я в пустоту и, не теряя времени даром, нырнула в кабинет злобного начальства.

Уже там огляделась и радостно потерла ручки.

— Хотел облапошить меня, Кощеюшка? Всех-то ты запугиваешь, вокруг пальца обводишь, а сам денежки стрижёшь! Мне тут речи умные разводил про налоги, пенсии, образование, но я-то знаю, на какие шиши такие хоромы отколачивают! Нет, царь подземный! Не с тем ты связался. Моя душа требует справедливого возмездия, и его час настал!

Следующие десять минут я из всех шкафов, со всех полок сгребала огромные кучи бумаг и, не глядя, кидала в центр комнаты.

— Что это? — издевательски хмыкала я, рассматривая непонятные закорючки. — Наверняка, ещё одна расписка про долги или требования какие. В мусор! — папка летела в общую кучу на полу. А я брала следующую и предполагала: — А здесь наверняка что-то про наших братьев леших, а может быть, даже долги самого Горыныча, которого мы по дороге встретили, записаны. Тоже мусор! — папка спикировала к предыдущим, а моё настроение медленно, но верно поползло вверх. — Эх, хорошо! Вовек теперь не разгребётся Кощеюшка!

С этими словами я бросила последние бумаги в общую кучу и радостно потёрла ладошки.

— Ну что, Темнейшество, начнём? Ох, кабачочки-баклажанчики, как же сейчас красиво-то будет! — бормотала я довольно, доставая с полки еле теплящийся светильник и открывая стеклянный купол. Там, в глубокой плошке, наполненной густым, немного чадающим жиром, мерно горел одинокий огонёк. Ну ничего! Сейчас ему повеселее станет. Сейчас ка-а-а-ак полыхнёт!

С восторгом я подожгла одну бумажку, бросила её в огромную кучу и, подталкивая метлой в центр комнаты развалившиеся документы, с радостью смотрела, как пламя разгорается всё сильнее.

— И кредиты, и налоги — всё сгорает мимоходом!

Нет бумажки — нет должочка, нет противного Кощея на порошке!

Я настолько пришла в восторг от собственной задумки, что горланила кривоватые частушки до того самого момента, пока пламя не поднялось к самому потолку и не опалило щёки жаром. И тут меня посетила довольно умная мысль: а если весь замок загорится? Что делать-то будем? Здесь водяных, готовых прийти в любой момент на выручку, вроде как не водится...

— Ой... — пробормотала я, сбивая-колошматя разбушевавшийся огонь своей метёлкой, — ой-ой-ой! Ты это... Давай возвращайся, успокаивайся!

Пламя перекинулось на ковёр, на стены, и я, бросив метлу, запаниковала:

— Караул! Горим!

Выскочив из кабинета, я понеслась по коридорам дворца, оглашая всё вокруг воплями:

— Пожар! Полундра! Свистать всех наверх! Помогите кто-нибудь! Это не я!

Из-за угла выскочил домовёнок, а за ним высунули морды мои подельники. Пузан сделал страшные глаза, явно пытаясь узнать, что я там придумала, но времени уже не оставалось. Схватив за шиворот помощника Кощеева, я потащила его в сторону кабинета, на ходу причитая:

— Честное слово, рядом гуляла, никого не трогала, понятия не имею, что там произошло! Наверняка, кто-нибудь огнедышащий залез, и оттуда ка-а-а-ак полыхнёт! Я вот сразу подобралась и за вами побежала, честное-пречестное слово, ей-богу! Вы только потушите там, пожалуйста...

Как только до парнишки дошёл смысл сказанного, он схватился за голову и бросился к стене, на которой обнаружился длинный тонкий шнур, уходящий куда-то под потолок. С усилием повиснув на нём, домовёнок дёрнул раз, другой, и где-то над нами, в высоких башнях дворца, зазвенел громкий колокол.

— БУМ! — глухо раздалось в сводах пещеры. И ещё раз — БУМ!

— Ну ты, Яга, даёшь! — проворчал Пузан через пару минут, когда вокруг нас собралась целая куча народу. Даже водяных притащили в огромных деревянных кадках. Владыки речные раздували могучие щёки и заливали яростное пламя потоками грязной воды. — Ничего умнее не придумалось?

Я лишь пожала плечами.

— Понятия не имею, о чём ты говоришь, дорогой Пузанчик. Я — Яга-законопослушная. Сказали мести полы — я и мету! А что там у Кощея с пожарной опасностью — так и ведать не ведаю!

Наконец, пришёл и сам Кошей. Недовольный... Взгляд чёрных-чёрных глаз осмотрел всю притихшую округу и почему-то безошибочно остановился именно на мне.

— Развлекаетесь, Яга Бурановна? Пожалуй, придётся вам подзадержаться в подземном царстве, — угрожающе произнёс мужчина, указав на меня длинным пальцем.

— Я протестую! — вскрикнула я, пяясь задом и подыскивая пути отхода.

— Фёдор, — скомандовал Его Темнейшество домовому, — проводи-ка нашу гостью в выделенные покои... те, что на замке, — мстительно добавил он под мой негодующий вопль.

Домовёнок подскочил ближе и чувствительно толкнул меня в бок.

— Пройдёмте в темницу, сударыня!

— Тяв! — жалобно вякнул Истерикс, когда Фёдор перехватил его под плотное пузико.

— Произвол! — заорал Пузан, как только на его нежную лапку накинули лассо и затянули верёвочку.

— Мои кабачочки! — простонала я, понуро бредя за конвоиром. А вслед за мной важно и молча шествовал сам Великий и Ужасный.

Вот так-то, Яга Бурановна. Стала ты пленницей в замке Кошеевом...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.